

Светлана Снегова

**ГЕРОЕМ СТАТЬ
НЕ ТРУДНО**

Светлана Снегова

Героем стать не трудно

«Издательские решения»

Снегова С.

Героем стать не трудно / С. Снегова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836030-5

— А какие ты сказки любишь, малыш?— Про героев и подвиги. Расскажи мне, деда, лучше про правителя Прокилла сказку.— Молодой он еще, только-только правителем стал, не придумали про него сказок.— А ты сам придумай.— Сам? Ну, что же. Кто-то же должен быть первым. Слушай.

ISBN 978-5-44-836030-5

© Снегова С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Героем стать не трудно

Светлана Снегова

© Светлана Снегова, 2016

ISBN 978-5-4483-6030-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В Лоренцию пришла ночь. С миллиардами звезд, заглядывающими в окна домов подобно тому, как влюбленные заглядывают в глаза любимых.

Мягким крылом прошлась по улицам, сметая дневную суету и проблемы.

Легким шепотом напомнила фонарщикам об их обязанностях. Засветилась фонарями, собравшими вокруг себя мошек на ночной танец.

Эльфийки отпели ежевечерние гимны заснувшему светилу, протанцевали прощальные танцы, вознесли благодарность удачно закончившемуся дню. Растеклись голубыми ручейками по своим жилищам.

Протрубили горны на Центральной башне замка.

Стражники заперли городские ворота, укрылись в расположенной справа от ворот сторожке. Уселись кружком за дубовым столом, поставили перед собой кружки с горячим ароматным чаем. Из укромного уголка достали надежно спрятанные кости. Кинули их для первой игры. Подсчитали выпавшие зарубки, определяя кому начать бесконечную ночную игру. При этом чутко прислушивались, не раздадутся ли во дворе шаги начальника стражи, обходящего посты с проверкой.

Игра в кости на посту не поощрялась, но, вместе с тем, и не наказывали за данное преступление строго. Чем еще заниматься стражникам длинными ночами? Скучно постоянно прислушиваться к тишине. А спать запрещено категорически. Вот за это спрашивалось по самому строгому. Вплоть до увольнения. Служба есть служба. Мало ли кто окажется у ворот? На то они и стражники, обязанность у них такая: успеть поднять тревогу, появиться у ворот неприятель. Правда – Слава Солнцу! – никто уже и не помнит, когда последний раз поднимали тревогу.

Лучше стражников охраняют Лоренцию расположенные вокруг болота. Ночью от них лучше держаться подальше. А пускаться в путь через их топи ночью, так это, вообще, гиблое дело. Себе дороже станет.

Даже самые старые жители Лоренции не слышали, чтобы ночью кто-то живой вышел из болот. Не имелось таких сведений в истории города.

Городская молодежь, те, что посмелее и поотважнее, устраивали соревнования кто после захода солнца ближе подойдет к болотам. Но стражникам приказано гнать таких от ворот подальше. Лихими играми нечего испытывать судьбу.

Но все равно умудрялись прорваться через охрану смельчаки. И тот, кто оказывался победителем в этом соревновании, кто приносил горсть болотной земли, заслуженно гордился своей победой. Никто после этого не посмел бы назвать его трусом.

Негайские болота... Проклятие Лоренции и защита ее.

Что там ночью? Даже днем опасно на болотах. Не ошибись, не оступись с проложенной тропы. Шаг в сторону, и поминай, как звали. Затянет трясина.

Недаром Негайские проводники, знающие болота, как собственный двор, – одни из самых уважаемых людей города. Вот кто никогда без пищи не останется. Большие деньги берут за работу. И секретов своих не выдают. Известные только им маршруты, необозначенные тропки, невидимые простому глазу вехи хранятся в страшной тайне. Передаются знания от отца к сыну, от сына к внуку. Проводник – наследная профессия. Никого чужого не посвящают в свои секреты. Знают, всегда найдутся желающие заплатить, чтобы выбраться из изолированной от основных дорог Лоренции поскорее.

Кто поскупее, предпочитают окружной путь. Лишние ликры, конечно. Зато деньги целы. Каждому своя воля. Заплатишь – пройдешь быстро. Не заплатишь – целый день потеряешь.

Но это только днем. Ночью пусты болота. Даже проводники с заходом солнца не решаются ступить на его зыбкие тропы. Ночью на болоте правят другие законы, выползают из топей

другие хозяева. Те, которыми пугают непослушных детей, когда они слишком расшались. А потом боязливо оглядываются: не накликают ли беду поминанием. Хоть и знают, что не войти болотной нежити в город. Да мало ли что. На всякий случай лучше отвести беду четырехкратным поклоном во все стороны света. А еще лучше, совсем не поминать в доме.

Тишина да смрадный дух доносится до города с болота. И туман, обволакивающий, приносящий сырость, струится по улицам. Даже зажженные фонари не имеют сил пробить его пелену. Туман словно длинными руками хватается за ноги запоздавших прохожий, заглушает своей густотой их шаги. Начинает казаться, что идешь ты не по улице, покрытой брусчаткой, родного города, а продираешься сквозь густой кисель ваты. Становится страшно, что в этой вате ты можешь запутаться окончательно, заблудиться, затеряться.

Поэтому с приходом темноты пустеют многолюдные днем улицы. Жители и гости Лоренции растворяются в домах, принимаются за вечерние дела. Кто-то запоздало ужинает, кто-то обсуждает дела прошедшего дня, кто-то с кем-то спорит или, наоборот, находит примирение. Дома тихо и спокойно. За закрытыми дверями и окнами нет никакого дела до заполнившего город тумана.

А он, словно чувствуя себя полным хозяином покинутого людьми города, становится все плотнее и плотнее, радуется своей власти. Но это он зря. Встанет солнце, пробежится по улицам, просочится меж домов своими лучиками и изгонит туман туда, откуда он незвано явился.

Но иногда случаются неожиданности. Вот как сейчас.

В это неподходящее время с трех сторон к дворцу Правителя подходили три человека. Закутанные в темные плащи, хоть и теплая ночь, да сырость пробирается до самых костей, беззвучными тенями скользили они по пустынным улицам. Словно и не люди, а какие-то фантомы, порождения болотного тумана, нежить, прорвавшаяся за городские стены. Но нет, люди это. Живые, те, которым положено находиться дома и готовиться ко сну. Слишком громко стучат их шаги по мостовой, слишком теплое дыхание вырывается из их ртов. Спешат, торопятся поскорее добраться до нужного места.

Редко жители города в последнее время удостаивались чести быть принятыми во дворце. Даже днем, не говоря о ночи. Только Посвященные имели доступ туда в любое время суток.

Стар стал Правитель. Старость добавляет мудрости, но расплачиваться за это приходится силой. И этот закон одинаков для всех. Будь ты простой ремесленник, будь ты правитель. Весы Жизни всегда находятся в равновесии. Приобретая одно, всегда теряешь другое.

Посвященные пророчили Правителю долгие годы жизни. Говорили, что Путь его светел. То ли и вправду так считали, то ли лицемерили. Скорее всего, правду говорили. Зачем им пятнать себя ложью?

Но никакие предсказания не могли обмануть Роллинга. Никто не знает себя лучше, чем ты сам. Роллинг чувствовал, знал, что силы в нем осталось совсем мало. И с каждым днем вытекает она по старым жилам и растворяется в небытие. И даже, если ждут его долгие годы жизни, то наполнены они будут немощью и болезнями. Такая жизнь страшит Роллинга больше смерти.

Все чаще чувствует Роллинг за своей спиной ропот подданных, все чаще ловит недовольные взгляды. Все отчетливее он слышал шепот: «Не засиделся ли ты, дорогой, на Скамье Мудрости? Не пора ли уйти тебе в Залы Успокоения?»

А, может быть, ему просто мерещится, и он свои старческие фантазии принимает за действительность?

Как бы там не было, но каждый человек умеет оценивать свои силы. Никто лучше тебя самого не определит, на что ты еще способен. Роллинг знал, что его время уходит. Нет твердости в руках, нет зоркости во взгляде. Да и на принятие решений требуется все больше и больше

времени. Начинаются ненужные рассуждения, оценивание ситуации. Появились колебания, абсолютно недопустимые для Правителя города.

Лоренция любит своего Правителя. Много подвигов совершил он, мудро правил городом долгие годы. Служил на благо лорентийцев, забывая о себе. Но все уходит в прошлое, растворяется в реке времени. Прошлое уходит и зовет Роллинга за собой.

Эх, некстати подкралась старость к нему. Не вовремя. Хотя, когда она приходит вовремя? Никто в мире с радостью не ждет ее прихода. Мудр тот, кто с достоинством встречает немощь свою. Роллинг – мудр. Он не противится неизбежному. Одно его печалит, что не вовремя, совсем не во время. В трудные времена придется выбирать Лоренции нового Правителя. В другое время спокойно бы передал Роллинг ключи от города преемнику. Уйдя в тень, подальше от правительственных забот, передавал бы молодому Правителю премудрости власти, секреты, накопленные за годы правления.

Беда. Нет времени. Некогда учится преемнику.

Посвященные предсказывают приближение Золотых Драконов. Близко они, уже близко.

Все чаще ночами полыхает небо огненными зарницами, все чаще охотники встречаются слишком близко от города нежить, эльфийки своим обостренным чутьем улавливают в эфире с каждым днем усиливающие враждебные эманации, маги в кристаллах наблюдают черные всполохи, а женщины в последний год рожают одних мальчиков.

И на небе загорелась Звезда. Все предыдущие предсказания можно было бы отмести, не обращать на них внимания, но Звезда обмануть не могла. Она сверкала, горела, переливалась пурпурным светом. Пугала выглянувших случайно ночью в окно. Жители Лоренции с наступлением темноты плотно занавешивали окна и не разрешали детям подходить к ним до самого утра, до тех пор, пока теплый свет солнца не разольется по небу, не спрячет от глаз людских пурпурную Звезду предвестия.

Попытка спрятаться от очевидного. Обман самих себя. Словно закрыв глаза на нее, можно оттянуть приближение. Но так людям легче. Кто осудит их? Никто не хочет впускать в голову мысли о несчастьях, что несет Звезда.

И лишь Роллинг каждую ночь поднимается на крышу дворца, закутанный в плащ, скрытый от глаз своих подданных, и с тоской смотрит на небо. С приближением Звезды уходит эпоха спокойствия, мирной жизни, равновесия. Все то, что создавал он сам, жертвуя и собой, и своим счастьем. Ради чего жил, ради чего вершил свои дела.

В эти длинные, бесконечно-бессонные ночи вспоминает Роллинг не свои подвиги, а свои поражения. Хочет разобраться, докопаться, понять, что в своей жизни он сделал не так, где поступил неправильно. Сквозь ночь просит прощения у обиженных им. Их образы окружают понуро сидящего Правителя, разговаривают с ним. Как и много лет назад они молодые, сильные и красивые. Живые. Сколько друзей он потерял за долгую жизнь. И в эти минуты ночных раздумий они приходят к нему.

Если бы кто мог увидеть его здесь, не узнал бы Роллинга. Исчезали куда-то его гордо распрямленные плечи, ссутуливалась прямая спина, потухал ясный взор. Старик, слабый и больной, сидел на крыше в специально принесенном сюда кресле и разговаривал с бесплотными тенями.

Лишь одна тень, самая зыбкая и светлая, молчала, не желала слушать его оправданий. Да и он сам не находил нужных слов, а лишь вглядывался в ночь.

Лина... Прекрасная золотоволосая Лина, дочь сотника Вираса, под началом которого безусый молодой Роллинг постигал путь Воина.

Как давно это было, как недавно.

Лина, с развевающимися длинными волосами, в короткой желтой тунике, бежит по полю. Она хохочет. Звонкий молодой голос несется над лугом:

– Догоняй! Что же ты? Догоняй!

И Роллинг бежит за ней. Ему никак не удается догнать быстроногую девушку, словно летящую над землей. Ее стройные открытые ноги мелькают впереди, волосы развеваются по ветру. Она сама похожа на ветер. Быстрая, легкая, красивая. Роллинг сам себе кажется неуклюжим увальнем, не способным догнать Лину. Но он несется за ней и кричит:

– Лина! Лина!

А потом они, распаренные от бешеной гонки, лежат на берегу реки. Глаза их подняты к небу. А по нему бегут белые облака. Жизнь кажется бесконечно счастливой и вечной для них. Вокруг тишина, такая, что слышно, как бегущая река гладит каменные берега. Они одни в этом мире. Кроме них не существует никого. Солнце светит только для них, ветер ласкает только их. И хочется просто лежать на спине, ощущая мягкость травы, наблюдать за бегущими облаками и молчать. Ибо в этом счастье не нужны слова.

Вдруг Лина приподнимается, подвигается к нему, нежно проводит рукой по щеке, а потом наклоняется к самому-самому лицу и целует в губы.

Роллинг помнит то чувство, что охватило его во время того, давнего, первого, такого неумелого поцелуя. Тогда ему казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди и закружится в бешеном танце вокруг них. А глаза Лины, глаза цвета неба, смеются. В них пляшет озорной огонек. Девушке самой страшно, что решилась на отчаянный поступок, первая поцеловала. Как тогда Роллинг был счастлив. Ведь сам он никак не мог решиться. Еще бы. Лина такая красавица. А он кто? Просто ученик воина.

Но он помнит и другие глаза Лины. Глаза, полные боли, страха и надежды. Помнит горячие, судорожные поцелуи. Роллингу предстоял первый боевой поход. Куда, против кого – забылось. А глаза Лины помнит. И помнит, что именно они вывели его из боя. Они звали его, защищали, приказывали вернуться домой живым. Он не мог обмануть их. И он вернулся. Хотя много товарищей остались навечно в том бою.

Он помнит вспыхнувший румянец на лице Лины, когда он, смущаясь и волнуясь, протянул Лине Браслет Соединения. И она приняла его, тем самым давая согласие стать его женой.

Но не стала.

Роллинг сам отрекся от своего счастья, накинув на плечи Мантию Правителя, отдав себя служению города.

Сейчас, прожив жизнь, он знал, что жертва была напрасна. Но тогда он думал иначе. О, молодость, молодость! Слишком дорого заплатил Роллинг за бездумные идеи бескорыстного служения народу.

Но кто может осудить его за отказ от любимой? Кто может осудить за мысли о том, что Правитель не должен быть связан семейными узами, не может принадлежать семье, а обязан полностью посвятить себя служению города? Никто. Только он сам.

– Признаю вас Избранными, – до сих пор еще громкий, не утративший с годами силу, голос Правителя пророкотал под сводами зала, но рука, прочертившая Знак Согласия, чуть заметно дрогнула. Чуть заметно. Вокруг никто и не заметил этого, наверное. Но эту дрожь почувствовал сам Роллинг, и от этого недовольно поморщился.

Правитель поднялся с высеченной из цельного камня Скамьи Мудрости. Яркий свет свечей, окружающий полукругом Скамью, осветил, отразился в блестящей Мантии. Роллинг ощущал направленные на него взгляды.

Зал был погружен в тьму. Освещается только место, где возвышается Скамья. Но Роллингу не требовалось освещения. За время правления он изучил зал до последней трещинки на стене. Он прекрасно знал, что в Зале, кроме него, как всегда, находятся тринадцать Посвященных, склонивших в почтении головы перед Правителем. Но кроме них в Зале еще трое. Стоят на одном колене в самом центре, в стороне от расположившихся по периметру зала Посвященных.

Именно они – сегодня главные на Совете. Ради них собрались в зале все остальные.

Роллинг подошел к ним и становился. Свет от факелов почти не достигал этого места. Для Посвященных и троица, и сам Правитель почти не были видны.

Во взгляде Роллинга промелькнула искра жалости. Но троим не суждено было ее увидеть. Головы их были опущены. Без позволения они не смели подняться. Это и хорошо. Правитель не должен проявлять и капли жалости, не должен выказывать даже минутной слабости.

Несколько минут Роллинг стоял над ними молча, глядя, почти не мигая, на склоненные фигуры.

Опущенные головы не позволяли разглядеть лиц, но одежда, смутно видимая в темноте, выдавала принадлежность к кланам. Маг, воин, эльфийка. Посвященные выбрали их, лучших из лучших, только что Правитель подтвердил этот выбор.

Сейчас в руках этих троих судьба Лоренции. Да что там Лоренции. Всего мира.

Роллинг, как никто другой, понимал, что предстоит им. Поэтому глаза его светились добротой и озабоченностью, когда он разрешил им встать.

Два юноши и девушка поднялись с колен. Правитель молча, жестом, пригласил подойти к Скамье Мудрости, выйти на свет, чтобы все присутствующие Посвященные, да и он сам, могли рассмотреть Избранных.

Они были молоды. Совсем молоды. Наверное, совсем недавно приняли обряд Взросления. Но, навалившаяся на них со словами Правителя: «Признаю!» ответственность, сделала их будто бы старше и мудрее. С этими словами навсегда закончилось их детство. А, может быть, и молодость, так и не успевшая начаться. С этой ночи их ожидает совсем другая жизнь. И они сами уже другие. Их прошлое осталось там, на темных улицах Лоренции, по которым они шли во дворец. Оно растаяло, растеклось, растворилось в воздухе. Сейчас они – Избранные.

Трое стояли они под взглядами, скрытых в темноте, Посвященных, открыто глядели в глубь темного зала. О чем они думали, что волновало их?

Самый высокий, Чоусен, в голубом, расшитым золотыми звездами, плаще мага, с черными, абсолютно прямыми, до плеч, разделенными на прямой прибор, волосами. Нос чуть великоват, глаза глубокие. Кажется самым старшим среди Избранных. Маги взрослеют рано. Открывающаяся перед ними в процессе обучения мудрость заставляет проживать год за два. Чоусен спокоен. Скорее всего, он один из всех по настоящему понимает, что предстоит им в этом путешествии. Но не тени сомнения нет на его лице. Гордо и спокойно смотрит на Правителя.

Прокилл – полная противоположность магу. Живой, подвижный, почти на голову ниже Чоусена. Ему трудно устоять на месте. Глаза и руки находятся в постоянном движении. Он готов к подвигу, ему не терпится этот подвиг совершить. Вперед и только вперед. Даже эта задержка у Правителя его раздражает. Прокилл знает, он лучший. Он может всех победить. Для него главное – действие. Стоять и выслушивать наставления не для него. От нетерпения Прокилл постоянно подергивает русоволосой, коротко стриженной, головой, и похож на молодого степного жеребца, рвущегося на волю, на просторы.

Третья среди них Тинка. Кажется совсем девчонкой. Но такое впечатление скорее создается из-за ее худобы и маленького роста. Эта видимость обманчива. У Тинки достаточно сил для выполнения миссии, выпавшей на их долю. Тинка стесняется, старается спрятаться за спину своих спутников. Как и любая эльфийка, Тинка не любит открытых выступлений, предпочитает быть сзади, в тени. Чтобы легче было за всем наблюдать, чтобы не упустить момент, когда понадобится ее помощь.

Роллинг внимательно глядится в их юные лица, пытаясь разобраться: понимают ли они сами, во что превратилась их жизнь с момента вынесения им, Роллингом, своего решения? Знают ли, что одновременно с произнесенным им решением, Небеса переписали Книгу Судеб

каждого из них, перечеркнули прошлое, не определив будущего? Ведь даже Небесам не дано знать, что ждет Избранных. Страшатся ли они? Жалеют ли о выпавшей им судьбе?

Но ничего, кроме готовности к выполнению своего предназначения, не видел. Роллинг верил в них, знал, что они смогут.

Давно ли он сам был таким же отчаянным и окрыленным?

Давно ли?

Целую жизнь назад.

Почему не на его долю выпало время испытаний, почему не ему пришлось стать Избранным?

Старый Правитель завидовал им. Как старость завидует молодости. Какой-то тайной завистью, грустной и печальной. Зная то, что молодость не знает. И не хочет знать. Потому что верит только в себя. А, может это и хорошо. Роллинг, как никто знал, что иногда судьба приводит на такие перекрестки жизни, где чужие советы, чужой опыт помочь не могут. Где все зависит только от тебя самого, от твоей решимости, от умения делать выбор, где чужие советы способны лишь навредить. Именно в такие моменты, молодость, отсутствие жизненного опыта не помеха, а удача.

Роллинг смотрел на них, а они, будто не сознавая своей судьбы, во все глаза смотрели на него, и восхищение читалось в их взоре.

Еще бы... Такая честь им оказана. Сам великий и могущественный Правитель Роллинг, живая легенда, стоит перед ними, разговаривает, как равный с равными.

Каждый мальчишка Лоренции в душе мечтает стать таким героем, как он. Каждая девочка мечтает о любви такого героя, как он.

Мало кому выпадает счастье стать героем легенд еще при жизни. Обычно слава приходит со смертью. Словно переход человека в Залы Забвения дает некий импульс к рождению этой капризной девицы – Славы, которая, попав на благодатную почву, все сильнее расцветает с каждым годом, силится и множится, и обрастает новыми подробностями. И, вроде бы простой и обыкновенный человек, на памяти которого произросла Слава, становится Легендой. Только ему это уже ни к чему. Волны Забвения к тому времени смывают все воспоминания о прошлой жизни.

С Правителем Роллингом все по-другому. Он сам живая легенда. Про него не требуется придумывать небылиц. Его подвигов хватило бы на троих.

Походы в Пустые Земли, бой со страшным Королем Ящеров, освобождение маленького народа Рудокопов от ига Армии Воинов Пустыни и сотни других, больших и малых подвигов. Только их перечисление займет много времени.

Мальчишки Лоренции играют в Правителя Роллинга. Каждому из них хочется исполнить его роль. Но только самым смелым и отважным, доказавшим свою смелость не на словах, а в деле, выпадает данная честь.

А девочки, от самых маленьких до тех, которые уже начинают приобретать формы женственности, мечтают в этих играх исполнить роль прекрасной Лины, сложившей голову в одном из боев в Пустых Землях. После того, как вернула Лина по просьбе Роллинга Браслет Соединения, стала она воином. Это был один из редких случаев, когда женщина вступала в войском. Ведь всем известно, что предназначение женщины давать жизнь, а не отнимать ее. Лина сумела доказать, что она достойна звания воина, и прошла много боев рядом с Роллингом. Пускай, не как жена, а как боевой друг. Но все равно рядом. До конца. До самой смерти.

Но мальчишки не хотят принимать девочек в свои игры. Во-первых, потому, что во все времена не любят мальчишки играть с девочками, считая их ябедами и слабачками. А во-вторых, потому, что такие игры не приветствовались в Лоренции. Лорентийцы боялись, что о них станет известно Правителю. И упоминание о Лине ослабит его силу.

Старожилы города помнят, как три месяца без звука и движения пролежал их могучий Правитель после возвращения из того похода.

Даже на проводы Лины в Залы Забвения не вышел.

Смерть любимой чуть не сломила Воина. И только новая, нависшая над городом, опасность заставила Роллинга выйти из оцепенения. Долг перед городом опять оказался сильнее. И вновь вел Роллинг свои полки, сокрушая врагов и давая освобождение друзьям.

Да, славное время было прежде, вспоминают старики. Время подвигов. Время, которое само рождало героев.

Но сейчас Правитель постарел. Нет в нем былой силы и грозности. Никуда от этого не денешься, сокрушались лорентийцы. Не вовремя подкралась старость к Роллингу. Тяжелые времена приближаются. Тяжелые и страшные. И они требовали нового Правителя – молодого и отважного, способного встать один на один против Золотых Драконов.

Роллинг смотрел на стоящую перед ним троицу и гадал: кто? Кто из них наденет Золотую Мантию Правителя и возьмет в руки Ключ Города? Воин Прокилл, маг Чоусен или эльфийка Тинка? Если они стали Избранными, то значит, каждый из них достоин.

Кто?

Роллинг не мог сказать с точной определенностью, кого бы он хотел видеть своим приемником.

Ему нравилась серьезность, обдуманность поступков и слов Чоусена. Такой к любому делу подойдет добросовестно, и будет достойно выполнять по мере своих сил. К любому. Будь то работа в пыльных хранилищах библиотек, будь то правление городом.

В беспокойном Прокилле он узнавал себя. Молодого и бесшабашного. Готового, ради блага других, пожертвовать всем, отступить от всего. Страшасьегося только одного: чтобы его не признали трусом.

Он видел в глазах Тинки мудрость Великой Матери, способной на вселенскую любовь ко всем своим детям. Но вместе с тем способной и на наказание нерадивых. Справедливость – неотъемлемая часть эльфиек.

Кто?

Роллинг не знал. А, значит, не знал никто.

В последнее время жизнь стала мирной и спокойной. Благодаря объединению правителей городов наведен порядок. Вражеские силы, потерпевшие поражение, ушли в глубь материка, затерялись в Пустых Землях и не нарушали мирное течение жизни. Города заключили договоры. Земли разделили, каждый довольствовался своими территориями. Конечно, наблюдались мелкие стачки, которые старались разрешить мирными переговорами.

Жить бы да радоваться.

Но проклятие висело над миром. Примерно раз в четыреста лет приходили Золотые Драконы, несущие смерть и разрушения. Кто они? Откуда пришли? Никто толком не знал. Существовали только догадки, рождающие сказки. Золотые Драконы ни в какие контакты не вступали. Да и цель их прихода была не совсем ясна.

Что они хотели? Разрушения. Только разрушения. Такое создавалось впечатление. Уничтожить, стереть с лица земли, не оставить следов. Глупая и бессмысленная задача. Лишенная простой человеческой логики.

Только достойнейший мог противостоять им. Облаченный в Золотую Мантию Правителя, сжимая в одной руке Меч Архангела, а во второй – Щит Хаоса, накиннув на плечи Темные Крылья, выходил он против Золотых Драконов. И лишь настоящий герой был способен на это.

Собрать грозное оружие против Драконов и предстояло Избранным. Обладавшее огромной силой, оно в мирное время хранилось в разных местах. Золотая Мантия – во дворце Пра-

вителя Лоренции, Меч Архангела – в Замке Крови у Давиаса, Щит Хаоса – в подводном мире Атлансе, а Темные Крылья – в воздушном Икарусе.

Поход за оружием нес за собой и другую цель. Именно в этом походе определялся достойнейший, тот, кто станет Победителем Драконов. Выбирали Избранные сами. И это считалось справедливым решением.

Каждый из кланов – Воины, Маги и Эльфийки – выдвигали своих кандидатов, а Посвященные выбирали из них троих. На сей раз выбор пал на Прокилла, Чоусена и Тинку.

«Эх! Какие же они еще дети,» – со вздохом подумал Роллинг. – «Старых, проверенных бойцов бы собрать. Их отправить в поход. А не эту молодежь. Что знают они? Что умеют?»

Но не мог Правитель высказать своих мыслей вслух, не мог внести даже тени сомнения и недоверия молодости.

Да и не дети они уже. Они – Избранные. Они – лучшие представители мира. Надежда и спасение.

А остальное – лишь старческие мысли. Роллинг подумал, что у старости есть, кроме потери силы, еще один неприятный момент – возросшее самомнение. Чем больше живешь на свете, тем больше начинаешь думать о своей незаменимости. О том, что ты сам все сделал бы лучше. Ибо у тебя опыт, знания. У тебя за спиной то, что молодым еще предстоит узнать.

Но всегда ли это лучше? Недаром в народе говорят: «Лучше глядеть вперед, чем назад». Не всегда опыт помогает. Иногда нужен свежий взгляд.

Но как это трудно признать. Но надо.

Особенно сейчас, в канун наступления Тяжелых времен.

Поэтому он не будет их ничему учить. Они все знают сами. Они к этому готовы.

Роллинг отошел от Избранных, тяжело, по-старчески, согнув плечи, и уселся на Скамью Мудрости. Пока она принадлежала ему. Хотелось откинуться, закрыть глаза, а еще лучше уйти наверх, на башню, к звездам. Побывать одному.

Но нет, нельзя. Церемония не закончена. Никто не должен видеть слабости Правителя. Роллинг расправил плечи, подтянулся и вновь стал грозным Правителем, перед которым трепетали, склоняя головы, враги и не смели перечить друзья.

– Вы готовы?

Голос Правителя вновь был громок и силен, словно и не мучили его мрачные мысли.

– Да, Правитель, – ответили Избранные хором.

Наступила торжественная часть церемонии – Момент Клятвы.

Избранные стали в круг, плечом к плечу, вытянули вперед правые руки и сжали их в единый кулак.

Боясь нарушить торжественность и важность момента, Роллинг всеми силами постарался заглушить вздох. Неровный Круг Силы представляла собой эта троица. Слишком разные они, Избранные. Тинка еле доставала высокому Чоусену до плеча. Прокилл же и в это время словно не мог спокойно устоять на месте, а переминался с ноги на ногу.

Но голоса, произносящие слова Клятвы, звучали ровно, единым звуком:

– Кто ты?

– Ты!

– Кто я?

– Я!

– Кто мы?

– Скрепленные словом!

Они – воин, маг и эльфийка – стали едины. Клятва Соединения не нарушается.

«Все у них будет хорошо. Они смогут. Они достойны зваться Избранными», – как заклинание шептал про себя Роллинг.

Правитель верил в них. В них верили так и не проронившие ни одного слова Посвященные. В них верил мир. Мир, который этим ребятам предстоит защитить и сохранить.

Глава 2

Прокилл, Чоусен и Тинка уходили на рассвете.

Солнце только – только начало окрашивать розовым цветом краешек неба. Болотный туман еще не убрался с улиц города, но уже поредел и стал похож на грязные куски ваты, висящие загадочным образом над землей.

Утренние птицы не затянули своих песен, и только то там, то здесь раздавались нерешительные посвисты. Птицы пробовали голоса, но пока не смели запеть во весь голос, боясь нарушить зыбкость рассвета.

Было то время суток, когда снятся самые сладкие предутренние сны, когда хочется поглубже зарыться в подушку и успеть досмотреть их прежде, чем горны на Центральной башне возвестят о начале нового дня.

Но не так все было в это утро. Вышли горожане из своих домов еще до того, как трубачи начали подниматься по крутой лестнице на башню.

Сплошной людской поток тек к Восточным воротам, через которые уйдут из Лоренции Избранные навстречу своей славы. Шли и старики, с трудом передвигающие ноги, и молодые, резвые и быстрые. Шли семьями и по одиночки. Родители несли детей на руках, пусть посмотрят, сохранят в цепкой детской памяти знаменательное событие. Шли зрячие, шли и слепые, надеясь, что рядом стоящие расскажут об Избранных, через уши передадут, что видят. Шли богатые, оставив на время свое добро, шли и бедные, не успевшие накопить ни монетки. Все стали равны в этом бесконечном потоке, льющемся по улицам Лоренции. Кому же не хочется взглянуть на своих героев?

По приказу Правителя, во избежание всяческих волнений на улице, вчерашняя церемония Признания Избранных проходила тайно. Под угрозой наказания всем участникам было запрещено распространяться о ночном сборе во дворце. Но, не смотря на все приказания и запреты, сведения просочились в город. Они передавались из одних уст в другие, от одного соседа к другому, и, не смотря на ранний час, успели обежать все дома. Вечная, неразрешимая загадка жизни: как тайное становится явным? Никто не может найти на нее ответа.

Кто поторопился, проснулся пораньше или лучше поработал локтями в толпе, успел занять лучшие места у ворот. Опоздавшие теснились сзади, нетерпеливо спрашивая впереди стоящих, что видно. А самые смелые и нахальные не поленились забраться на крыши соседних с Восточными воротами домов. Чем вызвали зависть у тех, кто не додумался до такого, и раздражение у хозяев самих домов, опасавшихся за сохранность крыш. Никакими криками не согнать наглецов оттуда.

Толпа гудела. Отовсюду слышались выкрики. Кто-то кому-то мешал, кто-то кому-то отдавил ногу. Стоял тот шум, который всегда бывает при большом скоплении народа. Но явных потасовок не было. Все понимали важность и торжественность момента. Единственное, чем удовлетворялись недовольные, так это тумаком в бок соседа.

С первыми звуками горна, возвестившими о начале шествия, толпа совсем смолкла, притихла, напряглась и лишь ждала момента появления Избранных, чтобы не пропустить, отдать им почести.

Сегодня их день. Вся слава и преклонение им. Лучшим из лучших. Избранным.

Звук горнов приближался, стражники расчищали дорогу, кулаками и дубинками прогоняя оказавшихся на ней. Толпа словно склеилась, стоящие сзади напирали, стоящие впереди отпрянули назад.

Над толпой пронеслось:

– Идут! Идут!

Они шли первыми. Трое. Такие молодые и такие обыкновенные. Волна удивления пролетела по толпе. Неясным шумом. Но тут же смолкла.

И все, от мала до велика, склонили в почтении головы, преклонились перед тем, что предстояло совершить этим троим.

Они шли молча, крепко держась за руки. Два юноши и девушка. И лишь плащи кланов развевались за их плечами. Алый, зеленый, голубой. Плащи переплетались между собой подобно тому, как переплелись их жизни в момент Клятвы Соединения.

Они шли гордо. Взгляды их были устремлены вперед, и словно не замечали склоненной перед ними толпы. Они еще были здесь, в родной Лоренции, и уже не здесь. Выпавшая им судьба отгородила, оторвала их от привычной жизни.

Они шли.

А за ними, в некотором отдалении, шел Правитель в окружении Посвященных. Но даже он терялся в величии Избранных. Не он был сегодня героем. И он знал это.

За ними, уже совсем будто бы лишними, выпадающими из этой процессии, шли главы кланов, высокочтимые послы других городов и почетные жители Лоренции.

Замыкали шествие горнисты.

Стояла тишина. Тишина такая, что даже у этих дальних ворот, была слышна песня, которую на Главной площади Лоренции пели восходящему Солнцу эльфийки. Наступал новый день.

Правитель Роллинг подошел к Избранным. Молча. Все слова были сказаны еще там, во дворце. Некоторое время он просто глядел на Избранных, переводя взгляд с одного на другого. Потом поклонился и тихо произнес:

– Да будет с вами Солнце!

И вместе с правителем Избранным до земли поклонились лорентийцы.

Стражники сдвинули с ворот тяжелый засов. В толпе раздался протяжный плач. Но он утонул в гуле сотни выкриков.

– Да будет с вами Солнце!

Избранные вышли за ворота, все так же держась за руки.

– Не оглядывайтесь только, – строго, но каким-то охрипшим голосом, прошептал Чоусен. – Знаете ведь, что плохая примета оглядываться.

Вот и все. Стены города отделили их от прежней жизни, провели черту. Чтобы не случилось, как бы не сложилось их опасное путешествие, сюда они вернуться уже другими. Если вернуться. Об этом думать не хотелось. Они верили в свою силу, верили в удачу, верили в судьбу. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее уходили Избранные от города

Чуть позже их из города вышел Микус. Это был молодой, чуть-чуть постарше героев, проводник. Ему выпала честь провести Избранных через Негайские болота.

Как Посвященные выбирали Избранных, так и в клане Проводников выбирали того, кто поведет Избранных через болота. Обычная-то вроде работа, каждый день кого-нибудь ведут. Проводникам все равно кого сопровождать: торговца ли, путешественника. Или кого другого.

Не пересохнет болото и не станет менее опасным, даже если по нему пойдут Избранные. На болотах все равны, не зависимо от чинов и званий.

Да честь велика. Посвященные в Хроники Истории впишут, что тот-то и тот-то провел Избранных через Негайские болота. Будет чем перед потомками похвастаться.

Вот и устроили Проводники меж собой соревнование. Старики отказались участвовать. Хватает им других забот. Да и жажда славы с годами приглушает свой голос, успокаивается, засыпает.

А у молодежи эта жажда славы неуспокоенная. Волнуется молодежь, что не хватит времени, или обстоятельства так сложатся, что не успеют славу заполучить. Вот и стремятся при каждом удобном случае чем-нибудь прославиться.

А такая слава, как нынче предстояла, вообще, раз в четыреста лет выпадает. Разве может молодежь от своего шанса отвернуться?

Соревнование из двух частей состояло. На силу и сообразительность. Проверялись именно те качества, без которых в болотах лучше и не ходить. И сам пропадешь, и клиента сгубишь. Слабакам и дуракам в болота хода нет. Это всякий знает.

Все молодые проводники высказали желание участвовать в соревнованиях.

Но выбрать-то предстояло одного. Целой компанией не поведешь.

Выиграл Микус. Честно. Без всякой подтасовки. И силой всех обошел, и в вопросах не запутался. Готовился он к этому, не просто все так вышло. Тренировался и в беге, и на снарядах. Даже несколько раз к магазинам в библиотеку наведывался, чтобы в вопросах неясных разобраться.

Как объявили победителем, гордым был, до ужаса. И себя прославил, и род свой не посрамил. Важность своей миссии сознавал. Славой Избранных умывался.

Поэтому подошел к ним вразвалочку. Шапка набекрень, ремень, охватывающий куртку, чуть приспущен, да брюки в сапоги залихватски заправлены. Сам себе молодцом казался, пока дома собирался.

Про себя волновался, конечно, весь город ведь на него смотрит, но показывать волнение нельзя. Пусть горожане видят, что он тоже герой героем, а не так просто проходил мимо.

– Здорово, ребята, – пробасил значительно, как и подобает герою.

Сам себе понравился, похвалил, что не сдрейфил, голосом не дрогнул. Почести он им, Избранным, в городе отдал, поклонился, как следовало. А в болотах он, Микус, главный начальник. Какими бы Избранными они не были, а с выходом из города да с приближением к болоту попадают под его власть. И во всем слушаться и подчиняться должны. Без него пропадут. Болоту все равно. Оно почести никому не привыкло отдавать. Болото само по себе.

Вблизи Микус лучше рассмотрел Избранных и подивился их виду. Совсем молодые. Никакого геройства в облике. С такими и на улице задраться не страшно. Мальчишки так еще ничего. Маг ростом вышел, а воин, от тренировок, в плечах крепок. Эльфийка совсем же слабенькой казалась. И как такую выбрали? Хотя, кто их знает, этих эльфиек. В чем сила у них?

Микус считал себя знатоком женщин. За свои годы не мало перевидал. Правда, больше хвастовства перед друзьями было, когда рассказывал про любовные похождения. Но все равно, были кое-какие женщины в его жизни. Знал он их натуру слабую. При малейшей трудности в панику пускаются, слезами заливаются. С ними Микус ни на одно серьезное дело не решился бы. Для мужских дел не годятся. Лишь одна от них польза: потискаться да позубоскалить. А, может, ему такие слабачки только попадались? Может, и среди них сильные личности попадают? Что-то Микус в этом сомневался. Правда, среди его знакомых девчонок ни одной эльфийки не было. Так что об их силе судить Микус не мог.

Тинка с виду ему понравилась. С такой не прочь был бы вечерок провести. Вот бы друзья обзавидовались. Да понимал, не для него она. Не просто девчонка, даже не просто эльфийка, Избранная она.

Микус даже крикнул от досады. А потом заломил шапку еще дальше на затылок, вот – вот свалится, и сказал:

– Слушай меня внимательно. Болото – это вам не шутка. Поэтому никакой самодеятельности. За мной след в след. И по сторонам не зевать. Идем быстро. Когда привал, скажу. И не ныть!

За последнее предложение самому стыдно стало. Переборщил он с ним явно. Не детей ведь на экскурсию в болото ведет. Знают, небось, как в болотах себя вести.

Плюнул от этого со вкусом под ноги, повернулся и зашагал к болоту.

– Да подожди ты, – остановил его чей-то голос.

Микус оглянулся. Говорил маг.

– Подожди, не спеши. Давай хоть познакомимся. Я – Чоусен.

Как будто Микус не знает, как их зовут. Весь город знает. И не только имена, но и чьего рода. Все известно. Пока в толпе стоял, ждал шествия, понаслышался. В толпе новости быстро передаются.

Прокилл и Тинка тоже представились.

– Микусом меня кличут, – ответил и он.

– Микус, а чего ты сердитый такой? – спросила Тинка.

Ехидство Микусу в ее голосе послышалось. Вот уж эти девчонки! Все бы им с подковыркой да с издевкой. И эта такая же. Не смотря на то, что и эльфийка.

– Не сердитый я, – буркнул Проводник. – А серьезный. Не в игры мы играть собрались. Болото шуточек не любит. Да и вы, чай, не на праздник отправляетесь.

Избранные переглянулись.

– Так что, плакать нам от этого? – спросил Прокилл и в улыбке зубы ровные показал.

– Плакать-то не следует, но серьезность не помешает. Нас вон еще из ворот видать. Что люди подумают?

– А пусть думают, что не боимся мы дороги.

– А вы и вправду не боитесь?

Избранные лишь плечами пожали. Микусу интересно было, неужели не боятся? Но допытываться не стал. Зашагал вперед.

До болота так и дошли. Микус впереди, Избранные за ним. За руки уже не держались, но шли ровненько, рядом. Благо дорога, широкая и ровная, позволяла.

– По тропке пойдем гуськом, – сказал Микус, когда они остановились на краю болота. – Я – первый, за мной – Тинка, Чоусен. Прокилл идет замыкающим. И след в след. Молча. И не спорить.

Никто спорить не собирался. Начиналось болото. А на болоте судьба любого, бедняка ли, богатея, труса или героя, в руках Проводника. От его знания и умения зависит, дойдешь ли ты до твердой земли или навсегда сгинешь в трясине или, еще того хуже, пополнишь ряды нежити.

По традиции Микус повернулся к солнцу, поднял руки вверх и произнес:

– Да будет с нами Солнце!

Избранные повторили хором:

– Да будет с нами Солнце!

– Да встретит нас твердая земля! – добавил Микус и ступил на тропинку, убегающую в болото.

Не впервой Микусу вести людей через топи. Сызмальства осваивал эту науку. Малым мальцом с отцом вступил на зыбкую, колыхающуюся под ногами, почти невидимую тропу. Ходил учеником. Сейчас уже самостоятельно года два водит путников. А каждый раз замирает сердце перед первым шагом. Потом ничего, потом бояться некогда. А первый шаг всегда страшен. Даже старые Проводники, за кружкой пива, когда хмель в голову стукнет, признаются, что тоже страшатся первого шага. Им-то что, могут и признаться в своей слабости. А молодые так стесняются говорить о страхе. Хорохорятся, героями себя показывают. Но каждый знает этот страх.

Для Проводника важнее, чтобы он так и остался «страхом первого шага», чтобы не задержался в сердце, не вылез неожиданным подарком посреди пути. Страх на тропе – это уже другой страх. От него не излечишься, намертво в тебя врастает. Со встреченным страхом на тропе одна дорога – уходить из Проводников, искать более спокойную работу. И больше никогда

в жизни не подходить и близко к болотам. Забыть, что ты был Проводником. Но разве можно такое забыть?

Микус знает, что нельзя. И не понаслышке знает, а на деле. Отец Микуса, славный и уважаемый Проводник Чет, переправивший через Негайские болота ни одно войско, не говоря об отдельных путниках, полгода назад, в одном из переходов, уже почти на выходе на твердую землю, повстречал свой страх.

Хорошо, что на выходе. Сумел довести троих из Давиаса до тверди. Помог опыт. А если бы посреди болота?

Никогда Чет не рассказывал сыну, какой он, страх этот. А Микус первое время к отцу приставал с этим вопросом часто.

– У каждого свой, – отвечал Чет. – Каждый свой узнает.

Микус жалел отца. Отлучение от любимой работы, от смысла жизни совсем подкосило Чета. За полгода постарел на десять лет, осунулся. И ночами кричит. Страшным голосом. Видимо глубоко внутри засел страх. Днем прячется, а как ночь наступит, и звуки и запахи Негайских болот проберутся в город, просыпается. И вылетает страшным криком из горла отца.

Микус просил небеса, чтобы не пришлось ему никогда встретиться со своим страхом на тропе.

А страх первого шага? Ну, им все страдают. Это как легкое недомогание. Как насморк, быстро проходящий при вступлении на тропу.

До привала две с половиной ликры. По твердой земле прошли бы и не заметили. А по зыбкой тропе быстро не пробежишь. Но Избранные шли хорошо. Микус спиной, профессионально, чувствовал, что ребята идут ровно, без сбоев. Таких вести одно удовольствие. А ведь разных приходится водить. Семь потов спустишь, бывает, от волнения. А эти молодые, сильные, идут шаг в шаг. Только чавканье от шагов слышно. И все. На болотах днем тихо. Самое опасное, что может случиться – это выходящий наружу дух болотный. Как булькнет, бывает, рядом, у самого Проводника сердце ухает. Тогда только молись небесам, чтоб у клиента нервы не сдали. Не рванул со страху в сторону. Но это редко бывает. У Микуса самого лишь несколько раз случилось. Спит днем болото. Силы для ночи набирает.

Привал – это полянка твердой земли посреди топи, небольшая, поросшая сочной травой. По воле какого случая она тут появилась, никто не знает. Но очень кстати. Потому как без отдыха пройти через болото трудно. Для нетренированного тела пять ликр по зыбкой, колыхающейся земле под ногами, многовато. Микус, конечно, мог бы весь путь без остановки пройти. Да и Избранные бы прошли. Молодые и сильные. Но так положено по правилам. А правила Микус нарушать не собирался.

– Отдыхаем тут, – сказал Проводник, когда Прокилл последним ступил на твердую землю. – Кустов тут не имеется. По надобности просто отойти в сторонку и там пос...

Но остановился, прикрыл рот, увидев перед собой лицо Тинки.

– Ну, там что надо сделать, – добавил, покраснев.

Тинка хихикнула.

Солнце уже поднялось высоко, стало припекать. Все расположились на земле, с удовольствием давая отдых своим телам. Полежали, помолчали.

– Слушай, Микус, – нарушил молчание Чоусен. – А тебе не надоедает каждый день по этим болотам топтать? Я тут совсем недолго, а мне уже надоело глядеть на унылую картину. Серость.

Микус обиделся. От обиды даже отвечать не хотел. Но потом, взглянув на мага, как на неразумное дитя, сказал:

– Ерунду говоришь. Потому как болота не знаешь. Ведь оно что? Болото – скажешь. Скучное, говоришь. Болото увидеть надо. Оно ведь разное, каждый день разное.

Сказал и сам испугался. С Избранным спорить вздумал.

– Ты не обижайся, Микус.

– Я и не обижаюсь. Больно надо.

– Вижу я, обижаешься. Но я, правда, понять хочу: что вас, Проводников, в болоте держит? Неужели деньги?

– Деньги – тьфу! – сплюнул Микус. – Деньги пришли и ушли. Тут другое.

Тинка и Прокилл участия в разговоре не принимали.

Эльфийка лежала на земле, раскинув руки, впитывала в себя энергию солнца, набиралась силой. Это в болоте можно идти не опасаясь. Днем здесь чужие не ходят. А на твердой земле всякие встречи могут произойти. И не очень желательные тоже.

Воин же сам по себе, от природы, неразговорчив. Вот и сейчас сидит в сторонке, ножом счищает с сапог болотную грязь.

А Чоусен поговорить любит. Но не только это. Ему интересны окружающие люди. Про всех хочет узнать, прочувствовать, залезть в самую глубь, прочесть мысли. На то он и маг. На роду у него написано всю жизнь учиться. А ведь известно, что каждый человек подобен книге. Много тайн и секретов хранит в своих глубинах. Надо уметь только перелистывать страницы души. Маги это умеют.

При желании Чоусен легко и просто мог заглянуть во внутрь Микуса, узнать такое, что тот о себе и сам не знал. Но желания-то и не было. Да и нельзя своим знанием впустую пользоваться. Не для развлечений оно.

Хотелось просто лежать на мягкой траве, расслабленным и спокойным, и вести простые разговоры, неважные и незапоминающиеся. Знать, что ты под защитой и опекой Проводника. Он сейчас обо всем думает, все решает. Когда и куда идти, когда отдыхать. А ты лишь подчиняешься его приказам.

Не знал Чоусен, но чувствовал, как хорошо, когда кто-то другой несет ответственность за твою судьбу.

Пройдет совсем немного времени, и, лишь солнце встанет в центр неба, распрощаются они с милым парнем Микусом и пойдут по предназначенной им дороге. И неизвестно, что встретится в пути. Неизвестно, какие силы придется применить.

– Ну, с деньгами все ясно, – не унимался Чоусен. – А что это «другое»? Я, правда, хочу разобраться.

Микус перевернулся со спины на живот, устроился поудобнее лицом к магу.

– Я впервые в болотах попал совсем маленьким. Даже уже и не помню, в каком возрасте вступил на тропу. Потому сейчас кажется, что всю жизнь был с болотами. Я другой жизни и не представляю. Мне по земле ходить труднее, чем по болоту. Вот в прошлом году заболел, хворь какая-то с жаром напала. Так я извелся весь. Только ночью оживал, когда в город вползали любимые запахи. Мать просил окно на ночь не закрывать. Представлял, что не в кровати лежу, а на этой полянке.

Микус с нежностью погладил ладонью траву.

– А, может, ты просто привык к болотам? Другой жизни не знаешь?

– Не-а... Мы же, проводники, не сидим безвылазно на болоте. Видим и другую жизнь. У меня лучший друг кузнец. Так я ему часто помогаю. Полезная и важная у него работа. Но не для меня.

– Да?

– Да. У меня и отец – проводник, – сказал Микус и запнулся, вспомнив нынешнее состояние Чета. – И дед был. И прадед. С Золотых времен наш род занимается этим делом. А ты говоришь, другое.

Эти слова заинтересовали Избранных.

– Так вы что, из Первейших? – с удивлением спросил Чоусен.

– Ага, – небрежно ответил Микус.

А в душе загордился, что сумел удивить Избранных. Пусть не думают, что они только особые. Микусу тоже есть, чем гордиться. От Первейших его род идет. Потом, правда, вспомнил наставления отца, что не следует этим кичиться. Человека должны уважать за его дела, а не за заслуги предков. Но очень уж хотелось Микусу покрасоваться.

– Расскажи.

От интереса Чоусен даже вперед подался. Мало осталось потомков Первейших. Тем важнее сохранить память о тех далеких Золотых временах.

Микус уселся, скрестив под собой ноги. Не очень-то удобно рассказывать, лежа на животе.

Прокилл и Тинка пододвинулись к ним поближе, чтобы лучше слышать и не пропустить чего-нибудь важного. Что правда, то правда, не каждый день такая удача выпадает. Никто из Избранных не мог похвастаться принадлежностью к родам Первейших. А вот Микус мог.

Давно это было. Так давно, что даже солнце забыло то время, когда освещало дорогу бредущим людям, которых через века потомки назовут Первейшими.

Было их не больше трех десятков. Много дней шли по пустынным землям, не встречая ни городов, ни путников. Почему покинули свой родной край, и где он располагался, осталось их тайной. Говорят, что не по доброй воле пришлось отправиться им на поиски новой жизни, что за плохие дела были изгнаны с родины. Но только говорят. Как было на самом деле, неизвестно.

Начинаешь новую жизнь – отбрось старую. Вот и отбросили они, вычеркнули из памяти. Даже детям, родившимся на новом месте, не рассказали.

Словно из ниоткуда появились они и словно в никуда брели.

Счет дням потеряли в пути, много сил оставили на бесконечной дороге.

И вот однажды вывела их она к болотам.

Решили здесь остановиться на ночлег. Отдохнуть, набраться сил, чтобы на утро вновь пуститься в бесконечный поход.

Но не так распорядилась жизнь.

Ночью случилось чудо необъяснимое. Всем спавшим, от мала до велика, привиделся сон. Наутро, когда стали меж собой привиденное обсуждать, удивлялись, что сон был у всех один и тот же, похожий до мельчайших деталей. А, может, и не сон то был, а все на самом деле случилось? Нет, спали они. В этом уверены были.

Явился им во сне старик древний. Чудной старик. Роста невеликого. Со спины сходил за мальчика только-только набирающего мужскую силу. Но с бородой, седой и спутанной. В бороде трава болотная вплетена. И пахнет сам болотом.

– Будьте здоровы!

Рта не раскрыл, а все в головах голос услышали.

– Давно вас жду. Долго вы где-то плутали. Но как дороге не виться, все одно приведет к нужному месту.

Дивятся все. Хоть и знают, что сон это. И всех вопрос мучает, что за старик странный, откуда в этих местах пустынных?

А старик, словно услышав их невысказанный вопрос, отвечает:

– Хозяин я этих болот. Ко мне вы шли долгие ликры, ко мне вела, выбранная вами дорога. Радуйтесь, наступил конец вашим мытарствам.

Еще больше все удивились. Сами ведь не знают, куда они идут, какого пристанища ищут.

– Там, за болотом, – старик простер руку в сторону восхода солнца, – предстоит возвести вам город. Через века станет он сильным и могучим, и прославит ваши имена. Имена Первейших.

Воспротивились сердца слушавших. Не к этому они стремились. Не у болота гниющего остановиться хотели. Красивые места искали, чтобы жизнь новую начать.

Услышал, видно, Хозяин болота протест сердца путников.

– Неразумны вы, – сказал. – Не в вашей силе определять судьбу свою. Судьба ваша определена была в тот миг, когда покинули вы земли родные. И не вам ей противиться. А не верите, так проверьте.

Сказал и исчез.

Проснулись все, стали сон обсуждать. И, как один, решили быстрее покинуть место нечистое. Мало того, что нездоровое, сырое, так еще со всякой нежитью. А то, что старик из этой братии, поняли сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.